

ПИСЬМА ОГАРЕВА К ГЕРЦЕНУ

I. ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА (1832—1833)

Публикация Е. Рудницкой

Печатаемые ниже пять писем Огарева к Герцену, относящиеся к 1832—1833 гг., входили в число бумаг, захваченных жандармами при аресте Герцена в ночь на 21 июля 1834 г. Взято было девять писем Огарева к Герцену; однако не все они понадобились следственной комиссии, не все поэтому и остались в следственном деле, хранящемся ныне в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ф. III Отдел., д. № 239, 1834—1835 гг.: «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи»).

Новые письма, дополняя ранее известную переписку Герцена и Огарева начала тридцатых годов, непосредственно и ярко передают идейную атмосферу их студенческого кружка. Письма эти значительно углубляют сложившееся представление о характере умственных интересов молодежи, группировавшейся вокруг Герцена и Огарева, о разнообразии и остроте волновавших эту молодежь философских и политических вопросов.

С самого начала кипучая умственная жизнь кружка была подчинена политическим интересам. «Мы вошли в аудиторию, — писал Герцен, — с твердой целью в ней основать зерно общества по образу и подобию декабристов» (XIII, 574). Кружок не сложился в тайное революционное общество, но тем не менее являлся одним из видов политической организации и ставил перед собой именно политические цели. Молодые люди пристально следили за каждым новым философским и политическим словом в России и за границей; в этом выражалось их страстное стремление создать собственную политическую платформу, стремление теоретически обосновать отрицание окружающей их самодержавно-крепостнической действительности. Герцен и Огарев, как и другие участники их кружка, подходили к философским системам прежде всего с точки зрения критической оценки их общественной значимости — в отличие от абстрактно-метафизического подхода, характерного для большинства членов кружка Станкевича.

К материализму и атеизму Огарев, как и Герцен, пришел позже, в сороковых годах, но уже в начале тридцатых годов в известной мере определяется направление его философских исканий. Примечательно, что хотя Огарев еще находился полностью в плену идеалистических схем, его уже не удовлетворяет абстрактность немецкого идеализма.

В публикуемом письме от 9 сентября 1832 г. Огарев критикует субъективный идеализм Фихте, но подчеркивает, с другой стороны, противоречия и в системе Спинозы, отрывающей природу от человека. Намеченная в этом письме критика Шеллинга продолжена в дальнейшей переписке Герцена и Огарева. Система Шеллинга не удовлетворяла Огарева именно потому, что не выдерживала того критерия социальной прогрессивности, который Огарев неизменно применял ко всем философским системам.

Широко эрудированный в философских учениях XVIII—XIX вв., Огарев никогда не был последователем того или иного философа. «Если у тебя нет в душе живой, собственной философии, — писал он Герцену в письме от 10 августа 1833 г., — то мало ты успеешь, обирая всех умерших и живых, покойных и не покойных философов. Из лоскутков смешно шить платье» («Мир божий», 1906 г., № 1, январь, стр. 62).

В своих юношеских попытках создать собственную систему мировоззрения Огарев оставался еще в пределах философского идеализма, особенно в вопросах объяснения исторических явлений. Однако необходимо подчеркнуть, что во всех своих построениях Огарев исходил из идеи общественного развития и мечтал о «полном усовершенствовании рода человеческого» (письмо от 3 сентября 1832 г.). Неудивительно, что и его и Герцена привлек Сен-Симон. Как видно из письма Герцена к Огареву от 19 июля 1833 г., Огарев обратил внимание друга именно на социальную сторону учения Сен-Симона (I, 117).

Огарев вместе с Герценом и другими участниками студенческого кружка живо интересовался всеми историческими, политическими, религиозными проблемами, вопросами науки, литературы, искусства, подходя к этим проблемам с точки зрения главного занимавшего кружок вопроса: как обосновать неизбежность переустройства всей общественной жизни на новых социальных началах?

В публикуемом письме от 30 июля 1833 г. Огарев отчетливо характеризует содержание и цель своих научных занятий. «Меня несколько задач занимают,— сообщает он Герцену,— их бы надобно <за>писать последовательно, но не знаю <бу>дет ли возможно. Они явятся будто поэмы; вот они: 1) Пантеизм и деизм; 2) Философия истории; 3) Натурфилософия; 4) Онтология», и резюмирует: «Мне уже хочется созидать; из <об>щих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциации».

Разработка социальных вопросов, — вот что определило интерес Огарева и к религиозным учениям Западной Европы, которые рассматривались в кружке главным образом как учения социальные. Мимо внимания Огарева не прошла и система французского католического писателя Ламеннэ в изложении Дамирона (D a m i e n e. Essais sur l'histoire de la philosophie en France au dix-neuvième siècle. P., 1828).

Анализируя исторический ход развития религии, Огарев сделал вывод, что религия неизбежно будет поглощена философией. Но находясь еще полностью во власти идеализма, Огарев понимал самый предмет философии как «познание божества». Тема эта, широко обсуждавшаяся в кружке, нашла свое дальнейшее развитие в публикуемом письме Огарева к Герцену от 29—30 июля 1833 г. и в письме Герцена к Огареву от 7 или 8 августа 1833 г., где Герцен сформулировал свое понимание социальных причин возникновения христианства (I, 125—127).

В письме от 30 июля 1833 г. Огарев сообщает Герцену о том, что с Лахтиным — участником их студенческого кружка — у него «сложная переписка о философии истории». Из всей этой переписки до нас дошло одно только письмо Лахтина. Оно было захвачено жандармами среди бумаг Огарева и явилось причиной ссылки автора в Саратовскую губернию, где он вскоре умер. Письмо Лахтина к Огареву, датированное 28 июня 1833 г., целиком посвящено вопросам истории и обнаруживает большую глубину и широту постановки исторических проблем в кружке Герцена — Огарева. (Письмо это будет опубликовано в следующем томе «Лит. наследства».) Один из вопросов, затронутых в письме Лахтина, — вопрос об исторических судьбах русского дворянства — обсуждался в кружке, как это видно из публикуемого письма Огарева к Герцену от 3 сентября 1832 г., в предыдущем году и продолжал обсуждаться, когда все участники дискуссии были уже в ссылке. Нейссякавший интерес к этой проблеме объясняется тем, что постановка ее носила отнюдь не только теоретический характер. Проблема исторических судеб русского дворянства возникла и решалась в связи с одним из центральных вопросов, занимавших кружок, — вопросом об определении движущих сил будущей русской революции.

Стремлением к выработке собственной общественной теории объясняется и интерес членов кружка к политическому и общественному строю Соединенных Штатов Америки. Представление о постановке этого вопроса в герценовском кружке мы впервые получаем из публикуемого письма Огарева к Герцену от 3 сентября 1832 г.

Одним из источников знакомства кружка с Соединенными Штатами Америки был Фенимор Купер. Романы Купера в то время в России были весьма популярны. Мимо

внимания кружка не прошло и малоизвестное сочинение Купера, упоминаемое Огаревым в том же письме — «Notions of the Americans», никогда не переведившееся на русский язык и вышедшее в 1828 г. в Америке и в Англии, а в 1829 г. на английском же языке в Германии. Читали члены кружка и другое сочинение, появившееся в то же время и трактующее примерно тот же круг вопросов — книгу Ахилла Мюрата (Achill Murat) «Lettres sur les Etats-Unis à un de mes amis d'Europe» (1830). Письма адресованы графу Тибодо и первоначально были напечатаны в «Revue Trimestrielle» (1828). Ахилл Мюрат, сын Иоахима Мюрата, бывшего маршала Наполеона Бонапарта, сам был не чужд бонапартистских замашек, и этого оказалось достаточно, чтобы его книга в меттерниховской Европе была воспринята как своего рода республиканский манифест, якобы опасный для принципов легитимизма.

Все указанные сочинения являлись апологией политического и общественного строя Соединенных Штатов, но Огарев сумел критически подойти к американской цивилизации. Отмечая прогрессивность, для того времени, политических и социальных принципов, положенных в основу государственного и общественного устройства Америки, Огарев подчеркивает, однако, ограниченность американской цивилизации, идеологическую бедность духовной жизни господствующих классов Америки («там вся умственная, даже политическая деятельность вертится около одного места или, лучше сказать, поглощена одним предметом — промышленностью»). Идеалы ультрабуржуазной Америки, которые с такой страстностью и силой заклеил несколько позднее Белинский, были глубоко чужды Огареву.

Но, критикуя буржуазную цивилизацию, Огарев обнаруживал непонимание исторического соотношения сил феодально-аристократических и буржуазных. Так, преимущество политической жизни Европы перед Америкой он усматривал именно в наличии в Европе аристократии, которая своей постоянной оппозицией к государству способствует общественному развитию. Этот ошибочный взгляд на феодальную аристократию Огарев в ближайшие годы полностью пересмотрел, но, оставаясь идеалистом в понимании исторического процесса, он до конца жизни не мог понять исторического места буржуазии.

Ранние письма Огарева дают представление не только о широте и разнообразии его идейных исканий, его научных и политических интересов. Они свидетельствуют также о том, что в начале тридцатых годов перед Огаревым со всей остротой встал вопрос о его поэтическом самоопределении.

Отметим, что в публикуемые письма вошли два ранее не известных стихотворения Огарева: «Огонь, огонь в душе горит...» и «В душе столчился ряд видений...», а также два стихотворения, известные до сих пор лишь по небрежной, искажающей текст публикации в «Русской мысли»: «Когда в часы святого размышленья...» и «Они торжественны, минуты вдохновенья...».

* * *

Судьба каждого из упомянутых выше девяти писем Огарева к Герцену, захваченных жандармами при аресте Герцена 21 июля 1834 г., видна из следующего перечня, в котором знаком* мы отмечаем письма, входящие в состав нашей публикации:

1 *. 3 сентября 1832 г. — Использовано Следственной комиссией (ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксл., Приложение № 84 к д. № 239, лл. 141—142).

2 *. 9 сентября 1832 г. — Письмо не было использовано Следственной комиссией, но осталось в ее делопроизводстве (ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксл., Приложение № 87 к д. № 239, лл. 8—9).

3 *. 7 июня 1833 г. — Было возвращено Следственной комиссией И. А. Яковлеву (ЛБ, ф. Г. — О. VIII. 3). Опубликовано неисправно: «Русская мысль», 1888, № 7, стр. 4—6.

4. 23 июля 1833 г. — Было возвращено Следственной комиссией И. А. Яковлеву (ЛБ, ф. Г. — О. VIII. 4). Опубликовано: «Русская мысль», 1888, № 7, стр. 7—8.

5. 10 июля 1833 г.— Было переслано Следственной комиссией в канцелярию московского губернатора для производства расследования по делу студента Московского университета Почеки и дочери музыканта Гебеля. В письме Огарев излагал свои свидетельские показания по этому делу (Моск. обл. архив). Опубликовано: «Голос минувшего», 1919, № 1—4.

6 *. 29—30 июля 1833 г.— Автограф письма был в Следственной комиссии разделен на две части. Первая часть, датированная 29 июля, не понадобилась следствию и была возвращена И. А. Яковлеву (ЛБ, ф. Г.— О. VIII. 5). Вторая часть, датированная 30 июля, была использована в целях обвинения и сохранилась в ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп., Приложение № 84 к д. № 239, лл. 137—138.

Первая часть, ошибочно принятая за полный текст письма от 29 июля, опубликована: «Русская мысль», 1888, № 7, стр. 8—10. Вторая часть документа до сих пор не печаталась. Ниже письмо публикуется полностью.

7. 10 августа <1833 г.>.— Письмо было использовано Следственной комиссией в качестве вещественного доказательства. Находилось, судя по описи и нумерации, в Приложении № 84 к д. № 239 (ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп.), но неизвестно при каких обстоятельствах, кем и когда было оттуда изъято. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Опубликовано: «Мир божий», 1906, № 1, стр. 62—63.

8. 18—20 августа 1833 г.— Было возвращено Следственной комиссией И. А. Яковлеву (ЛБ, ф. Г.— О. VIII. 6). На подлиннике рукой Герцена помечено: «Письма, бывшие в следственной комиссии» (пометка относится также к письмам 3, 4 и 6 нашего списка). Опубликовано: «Русская мысль», 1888, № 9, стр. 1—3.

9 *. 26 августа 1833 г.— Использовано Следственной комиссией (ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп., Приложение № 84 к д. № 239, лл. 135—136).

Таким образом, в нашу публикацию входят: три письма, печатаемые впервые (№№ 1, 2 и 9), и два письма (№№ 3 и 6), хотя уже известные в печати, но только по искаженной и неполной публикации в «Русской мысли» за 1888 г.

1

Село Чертково, сентября 3 <1832 г.>¹

Наконец я получил от тебя письмо и снова при<нимаюсь за>* перо. Но прежде нежели стану отвечать на твое <послание>, я хочу сам говорить — душа полна, язык не держится. <Я буду> говорить о том, что даже естественно должно <...> ону человека, который (хотя и на три месяца) сделался <беглец>ом от всего живого, деятельного, что прежде разделял <с друзья>ми своими, я хочу говорить о философии. Что пробудило <во мне> такую мысль, спросишь ты? Вот ответ: я прочел Дамирона («Hist<oire> de la phil<osophie> au XIX s<iècle>» en France), и это заставляет <меня пи>сать к тебе о философии, и именно к тебе, потому <что ты> читал эту книгу и, кажется, не приложил к <ней особ>енного внимания, судя по тому, что ты мне очень <мало го>ворил о ней. В ней нашел я две статьи, которые <мне пока>зались особенно важными: статья о развитии религии <...>, которую ты можешь найти в обозрении системы <Lamenn>ais, и статья о философической методе, о философ<...>. Начнем с первой:

<Я> удивляюсь, как ты мог не заметить этой превосход<ной стат>ьи, которая столь близка к любимой мечте моей: полного усовершенствования рода человеческого.

Ламенне — <католи>к, след<ственно>, пунктуально следуя священному писанию, <рассмат>ривал ход религии в одном только израильском на<роде и> тут замечает, что религия во все продолжение своего <существо>вания одна и та же, но имеет три эпохи <разви>тия: 1) домойсейская,

* Здесь и ниже даем в ломаных скобках предположительное чтение, так как подлинник полуистлел и чернила выцвели.

2) мойсейская и <3> христианская; <а это> можно распространить и не на один израильский <народ. Это> можно распространить на весь род человеческий. <Перва>я эпоха религии — это эпоха поэтическая, где человек <ищет> божества вне себя, в природе, это *пантеизм*. <Но он> вскоре не удовлетворится этим, он отделяет божество <от> природы, он обожает

ОГАРЕВ

Рисунок неизвестного художника, 1830-е гг.
Литературный музей, Москва

творца ее — отсюда *теизм*. И <этот> теизм выражает в боге только зжидителя мир<оздания>; при дальнейшем развитии человечества, когда нравств<енные стремления становятся более и более необходимыми, <человек> возвышается до понятия единого нравственного <начала>, награждает добродетель и наказует порок. <Это> выразилось в христианстве, но религия одна и та же: стремление сблизиться с божеством. Вопрос: должно здесь остановиться религиозное развитие человечества? Нет. Чувство религии <си>льное в младенчестве людей, фаталическое в эпохе <теизма>, мистически-нравственное, мечтательное, несовершенно <ясное?>, как бы

сквозь туман провидящее истину в хри(стианстве), неужели может остаться в этом смутном <виде, где> участвует какое-то поэтическое чувство, но от <него> отказывается разум? Наши времена уже сде(лались) довольно положительными, чтобы принимать то <только>, в чем убежден разум; итак, должно ожидать п(о)эзии, в которой идея божества должна быть развита ясно <из> убеждения, из разума, или такой религии, <которая> слилась бы с философией или, лучше сказать, исче(за)ет в философии, т. е. верование в божество превра(тилось) бы в познание божества!

Боже! приехали гости — прощай, друг, до другого времени — как не(сносно)?

Сентября 4

Надобно бы продолжать начатое, но я <отлож>ил до следующей почты. Теперь я занят соверше(нно другими) мыслями, ты можешь догадаться какими из <письма>. Я буду отвечать на твое письмо и буду говорить <по порядку?>

* 1) Ты познакомился поближе с Соед(иненными) Штатами из <книги> Ахилла Мюрата и находишь, что мы худо понимали <эту> страну. Я не причастен к этому; еще прочитав Ку(пера) (Notions of Americans)², я говорил тебе, что в <них> высшее развитие гражданственности; мне кажется, <иного> и не могло быть; вот почему: представь себе возмущившу(юся и) отложившуюся страну ссылочных, закоснелых злодеев <и ты> найдешь тут анархию, необходимо анархию; но что м(ожно) было ожидать от людей, удалившихся в страну изобилия <от> угнетений правительств европейских (ибо какую мог(ли) иную <цель> иметь скрывшиеся от деспотизма Германии и Франции), а еще более для обогащения самих себя? Из их удаления уже видно, <что> 1) они не могли составить общество иное(?) как по пра(вилам) либ(ер)альным, ибо бежали от деспотизма и не за(...) идеями, современными Локку, Руссо и Монтескье, и что 2) <госу>дарственное устройство не могло быть не основано на <положительн>ых началах политической экономии — они бежали <для обог>ащения и большею частью из отечества, в ко(тором жил) Адам Смит. Это-то и дает твой резу(льтат) — высшее развитие гражданственности, основанное на положительных началах Полит(ической) экономии и государственного управления. Но почему ты так нападаешь на Европу и почему думаешь, что ее либералы более ненавидят рабство, нежели любят свободу? взгляни на Францию, чтобы увериться в противном. Кроме того, в Европе более жизни, по самой той причине, что она имеет аристократию; следст(венно), всегда оппозиция сильна и <du> choc des opinions jaillit la vérité**, и общество подвигается <бы>стро вперед; просвещение общественное. Едва ли ты это найдешь в Америке; посмотри сам, там вся умственная, даже политическая деятельность вертится около одного <ме>ста или, лучше сказать, поглощена одним предметом — промышленностью; да вот на другой странице твоего письма вижу, что и ты жалуешься на бездеятельность американцев.

2) *** Поздравляю тебя и с Кузеном и с Мишле³ и с письмами и тут же перехожу к твоим вопросам, мне заданным; первый!, о цивилизации, идет (вошел) в предположенную мою статью о перехождении в двор(янское) сословие; подумай на воле, мне кажется, что наша цивилизация не XIX, но XVIII века; я это развил исторически; к 15 октября явлюсь сам и с статьей, и <ты> узришь. На вопрос о месте я писать не намерен, это пусть будет вопрос домашний.

* Отсюда и до предпоследнего абзаца («Вот тебе...») текст письма подчеркнут в Следственной комиссии.

** из столкновения мнений рождается истина (франц.).

*** В подлиннике ошибочно: 3) и далее соответственно ошибочная нумерация.

3) Пассекам⁴ и Диомиду⁵ mes hommages * со всей искренностью, которую ты можешь вообразить во мне.

4) За адрес благодарю и по будущей почте пишу к Мише⁶ и к Евгению⁷.

5) Почему столь нужный мне лексикон еще не явился?

Я прочел первую часть Лерминье: «Philosophie de droit» **. Много превосходного; много мыслей странных, с которыми едва ли можно согласиться, как, напр<имер>, законность самоубийства, но последние 4 главы первой части привели меня в восторг. Друг! Прочти их, непременно прочти⁸. Я воспламенился от них, innere Fülle *** так и забушевала, хотелось бы что-нибудь творить, и с досадою и с ужасом вижу, что мне 18 лет и что я в деревне. Но вдруг я вспомнил вас, друзья мои, сравнил то, о чем говорит Лерминье, с нами, и что-то <то>сладостно заговорило в душе, будущность, прекрасная будущность! Сколько надежд и упований! Друг!

Так посещает в подземелье

Страдальца-увянка порой

Души минутное веселье!

И это веселье — будущность! — и я уверен, убежден, что это не Knaben-gedanke ****, пойми и оцени это убеждение. Но как, что и когда? Дай теперь забыть этот вопрос, дай насладиться! Герцен! прочти четыре последние главы, и твоя душа взойдет в такое состояние жажды деятельности, что все мускулы невольно зашевелиятся, как будто бы что-нибудь делаешь, что-нибудь исполняешь, творишь.

Вот тебе комиссия: зайди к Карлу Ивановичу⁹, <скажи> ему, что я рад бы написать, да бумаги нет. Папенька цены квартирной уменьшать не хочет, а платеж отсрочивает до генваря; пол пусть переделывает Карл Иванович, о цене пусть скажет Степану¹⁰ и зачет в квартирный долг переделку. Тороплюсь. Я им обоим напишу по будущей почте.

Теперь прощай, устал и хочу спать. Пиши побольше, потому что мне скучно. Сатин мне писал, Вадя¹¹ мне ничего не пишет. Прощай.

Твой Н. О г а р е в

Автограф. ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп.. Приложение № 84 к д. № 229, лл. 141—142.

¹ Год устанавливается на основании следующих строк в тексте письма: «... (хотя и на три месяца) сделался <беглец>ом от всего живого...». Из «послужного списка» Огарева, хранящегося в том же архивном деле, известно, что трехмесячный отпуск по службе был предоставлен ему в 1832 г. (с 21 июля по 15 октября).

² F. S o w r e r. Notions of the Americans. Picked up by a Travelling Bachelor. In two volumes. Philadelphia, 1828. Под тем же названием книга вышла в 1828 г. в Лондоне, а в 1829 г. на английском языке — в Германии (Zwickau).

³ Речь идет не о французском историке, а о немецком философе-гегельянце Людви-ге Михелете (Michelet), фамилию которого в кругах московской интеллигенции того времени часто произносили на французский манер: Мишле или Мишеле (см. XIV, 734).

⁴ Пассеки — Вадим Васильевич Пассек (1808—1842) и его семья.

⁵ Диомид — Д. В. Пассек (1807—1845), брат Вадима, близкий к кружку Герцена и Огарева.

⁶ Миша — М. П. Носков, активный член герценовского кружка; в 1832 г. окончил физико-математический факультет Московского университета и был направлен на службу в Петербург.

⁷ Евгений — Е. В. Пассек (1804—1842), старший из братьев Пассеков; учился в это время в Петербурге. Огарев и Герцен были дружны с ним и состояли с ним в переписке, но особой идейной близости между ними не было.

* кланяюсь (франц.).

** «Философия права» (франц.).

*** душевная полнота (нем.).

**** мальчишеская мысль (нем.).

⁸ Совет Огарева непременно прочесть книгу французского историка права Лерминье Герцен исполнил только в следующем году. В письме к Огареву от 19 июля 1833 г. Герцен сообщил, что читает книгу Лерминье, а в следующем письме — от 1 августа 1833 г. — писал, что уже дочитывает ее. «Хорошо, но не отлично. Виден юноша, вообще он хорош, разбирая системы, но там, где он говорит от себя, несмотря на всю французскую *prolixité* *, несмотря на неологизмы, есть что-то недоделанное, неустоявшееся» (I, 121).

⁹ *Карл Иванович* — Зонненберг (ум. после 1862 г.), был воспитателем Н. П. Огарева, затем поступил на службу к И. А. Яковлеву (отцу Герцена), исполнял его мелкие поручения (см. о нем в «Былом и думах»).

¹⁰ *Степан* — Булатов, приказчик отца Огарева.

¹¹ *Вадя* — Вадим Пассек.

2

Сентября 9 <1832 г.>¹. Село Чертково

Герцен! Твое письмо так поразило меня, что начинаю отвечать на него (что не в обыкновенном порядке вещей) с конца. Павлов думает, что ты шпион Голохвастова², и тебе приходится играть роль Гарвея Бирка³. Друг! это ужасно, нестерпимо, я плакал, когда читал это, — но Павлов благородный человек, поезжай к нему и объяснись. Но ты спросишь, на каком основании он поверит тебе? — Пылкость юноши — вот наше красноречие, благородство души — вот наша порука. Но тебе есть еще пристанище от оскорблений; мы тебя знаем, друг! и едва ли наша порука не действительнее на молодежь <?>, нежели речи (частные) г-д профессоров. Но почему ты знаешь, что Иовский⁴ не врет? Разве ты не нагляделся на подлость этого человека? К тому же, Герцен, еще время не ушло и, может быть, Павлов с удивлением скажет (это не панегирик тебе, ибо говорю я): вот был истинно благородный человек! Покуда

Lass untergehen die wandelnden Gestalten!***

Герцен! Теперь пришло время говорить тебе о мысли, которая глубоко заронилась мне в душу и которая одна утешает меня среди жестоких и язвительных ран мизантропии. Слушай и не смей ни скучать, ни смеяться.

Фихте положил начало всего, сделал центром всего — человека; что ж было последствием? Человек отъединился от всего и сделался каким-то ужасно эгоистическим существом. Спиноза вложил всё в бога — и что ж? Человек исчезнул. Шеллинг уравнил бога с природой вещественной и с человеком (оба проявления божества, след<ственно> бог = человеку + природе). $A^x = b$ — боюсь произнести, но это мне кажется опасным пантеизмом. Смешно исследования философические выводить (позволь германские термины) из *не я* (*nicht ich*), ибо я не могу вообразить, что познаю что-либо, не ощущая, не познавая самого себя. Итак, начнем с самого себя. Едва я понимаю что-либо, как первое, что мне представляется, это я сам: *ich bin, weil ich bin* ***. Я сталкиваюсь с природой, и здесь начинается боре-ние. Я хочу поработить себе природу — я двигаю веществом по своему произволу, следуя своей идее — и вот происходит искусство. Я делаюсь творцом — в искусстве я развиваю свою мысль, свою умственную природу. Но я чувствую, что сам себе недостаточен и, по закону причинности, дохожу до высочайшего существа. Но как же существует оно и как все от него произошло? Я сужу по аналогии: когда я творю, то развиваю свою идею; в человеке и природе бог развил свою идею. Когда я развиваю свою идею, то не нахожу никак, что я с нею тождествен, ибо **** чувствую еще

* многословность (франц.).

** Пусть скроются блуждающие тени! (нем., из «Фауста» Гёте).

*** я существую, ибо я существую (нем.).

**** Далее зачеркнуто: она существовала бы без меня в идее.

особенное какое-то существующее, которое *не зависит* от моей идеи, я ее только постиг и развил. Равно и бог не отождествляется с своим творением, но только развивает в нем мысль, в которой убежден. Какое же назначение творения? Во всем сообразоваться с развитием идеи творца. Вещество развивает идею творца в пространстве, человек — мыслью во времени. Итак, назначение человека — развивать истину, которую постиг творец. Слава богу, друг!

Я ненавижу мелочничество и подлости людей (причину которых должно еще обдумывать), но я тружусь не для них, но для идеи. Друг! Эта мысль

РИСУНОК ОГАРЕВА

Сентя, 1834 г.

Литературный архив, Москва

меня утешает. Я все это писал скоро, след<ственно>, не ручаюсь ни за полноту, ни за совершенную ясность, но желаю написать об этом пространнее и более во всех отношениях сверить с опытом. Но довольно! устал. От Вадима получил письмо, и он жалуется на скуку.

Но нет, не могу оставить, оставить пера, душа полна, язык не держится; стану писать стихи; слушай этот экспромпт; пусть будет с поправками, — я тебя не совещусь. Слушай:

Огонь, огонь в душе горит
И грудь и давит и теснит,
И новый мир, мечта созданья,
Я б тем огнем одушевил,
Преград где б не было желаньям,
И дух свободно бы парил —
Всё будет ясно предо мною,
Сорву завесу с бытия,
И всё, с душевной полнотою,
Всё обойму вокруг себя.
Мне не предел одно земное

Душе — от призрака пустой,
 В ней чувство более святое,
 Чем прах ничтожный и немой.
 Кто скажет мне: конец стремленью?
 Где тот, кто б дерзкою рукой
 Границу начертал мышленью
 Непреступною чертой?
 Черту отринув роковую,
 Я смело сброшу цепь земную*.
 Согретый пламенной мечтой,
 Я с обновленною душой
 Помчусь — другого мира житель —
 Предвечной мысли в светлую обитель!

Друг! Самому странно кажется, что с этим письмом (разумеется с тем, которое теперь пишу) мог досидеть до тех пор, что свеча догорает. Прощай! Еще надобно уснуть, пока не рассвело. Завтра поговорим о твоём романе.

Сентября 12

Голова болит, и о романе говорить не хочется. Сейчас писал к Вадиму. Прощай! Завтра нап<ишу>.

Твой Н. О г а р е в

Пассекам, Т<атьяне> П<етровне>⁶ и Диомиду кланяйся (Савичу)⁷.

Рукой Герцена на последней странице письма:

Всю сию философскую диссертацию профан Герцен не понял. А может с Носковым⁸ сказать, dass er aus minder gutem Stoff geschaffen ist **. Это NB прибавлено в день полув<ения>.

Автограф. ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп., Приложение № 87 к д. № 239, лл. 8—9.

¹ Письмо датируется 1832 годом на следующих основаниях: а) оно не могло быть написано ранее 1832 г., так как Д. П. Голохвастов, который упоминается в письме, был назначен помощником попечителя Московского учебного округа только в ноябре 1831 г., б) оно не могло быть написано в 1833 г.: в этом году Огарев выехал из деревни в Москву 30 августа. Именно в 1832 г. он оставался в деревне до середины октября.

² Объяснение того факта, что известный профессор Михаил Григорьевич Павлов (1793—1840) мог в какой-то момент поверить подобным слухам, Герцен дает в своем письме к Т. П. Пассек, написанном в июне или в июле 1833 г.: «Я слышал, что Павлов, у которого я ревностно занимался, поставил мне 2 за то, что я раз возмутил против него аудиторию и раза два уговаривал студентов нейти к нему на лекции, потому что Павлов, делая выговор какому-то студенту, сказал: „стол и солдат у двери столько же меня понимают, как и амфитеатр“. Из этого вышло дело, его разбирал Дмитрий Павлович Голохвастов. Он вызвал к себе вместе Павлова и меня. Павлов не мог мне этого простить» (I, 109—110). Голохвастов на посту помощника попечителя Московского учебного округа усилил полицейские строгости против прогрессивного студенчества и тем, само собою разумеется, восстановил Герцена против себя. Родство Голохвастова с Герценом (двоюродные братья) было единственным основанием для возникновения грязной сплетни. Что же касается до подлинных отношений Герцена с Голохвастовым, то Герцен сам рассказал о них в «Былом и думах»: «До его назначения в Университет мы были с ним настолько близки, насколько различие лет позволяло (он был лет 16 старше меня). Тут <с назначением Голохвастова помощником попечителя Московского учебного округа. — Е. Р.> я с ним чуть не рассорился, по крайней мере, лет десять кряду мы смотрели друг на друга с неприязненным холодом... Время моего курса было временем наибольшей политической экзальтации; мог ли же я остаться в хороших отношениях с таким усердным слугою Николая?» (XIII, 175—176).

³ *Гарвей Бирк* — герой романа Фенимора Купера «Шпион».

* Далее зачеркнуто:

И новой силой [обновленный] оживленный
 Помчусь с душой воспламенной

** что он сделан из менее добротного материала (нем.).

⁴ Петр Алексеевич *Иовский* — адъюнкт Московского университета по кафедре права политического и народного, издатель альманаха «Элизиум» (Москва, 1832).

⁵ Парафраза первой строки «Посвящения» к «Фаусту» Гёте: «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten» («Вы снова здесь, изменчивые тени», пер. Б. Л. Пастернака).

⁶ *Татьяна Петровна* — Кучина, невеста Вадима Пассека, вышедшая за него замуж в ноябре 1832 г.

⁷ *А. Н. Савич* — член герценовского кружка, впоследствии известный русский астроном.

⁸ О *Носкове* см. примеч. 5 к письму 1.

3

Июня 7 (1833 г.)

Начинаю писать на маленьком листочке — виноват; да впрочем, не я виноват, а дело в том, что нет больше бумаги. Пока довольно и этого. Надобно поведать тебе всю историю с моего отъезда. Выехал я, друг! и мне стало грустно, так грустно, как никогда не бывало. А всё Воробьевы горы¹. Долго я сам в себе тайл восторги; застенчивость или что-нибудь другое, чего я и сам не знаю, мешало мне высказать их, но на Воробьевых горах этот восторг не был отягчен одиночеством, ты разделял его со мною, и эти минуты незабвенны, они, как воспоминание о былом счастье, преследовали меня дорогою, а вокруг я только видел лес; все было так синё, синё, а на душе темно, темно; ужасны эти минуты. Что же утешило меня — восторженность; я все последнее время как жил в Москве старался поддерживать себя в восторженном состоянии духа; положим, это напряженность, но это одно поддерживает бодрость духа, свежесть ума, innere Fülle *. Этот ежеминутный восторг должен возвысить, облагородить меня, должен дать мне столько духовного наслаждения в земной жизни, сколько то возможно — а там пусть я умру; ежели ты понял цель, с которой написаны посвященные тебе последние минуты жизни², то ты понял, как высоко я ценю смерть, понял и, может быть, не обратил внимания на негладкость стихов, как иные; друг! изящное в идее. Поэзия! сколько мыслей соединяются в этом слове; кто их выразит; слова недостаточны — музыка — а я не могу еще взять именно те звуки, которые слышатся душе моей; неспособность телесная ограничивает фантазию. Но, чёрт возьми; я поэт, моя душа — поэзия, чистая, небесная; она мне подсказывает истину там, где бы я ее не понял холодным рассуждением — вот философия откровения — здесь она действительно существует.

Когда в часы святого размышленья
Мысль светлая в твой ум вдруг западет,
Чиста и пламенна, как вдохновенье,
Она тебя возвысит, вознесет,
Она недаром заронилась,
Как божество, к тебе она,
Чудесной жизнью полна,
Из стран небесных ниспустилась.
Пусть говорят с улыбкою презренья:
Она есть плод обманутой мечты —
Не верь словам холодного сужденья,
Они чужды душевной теплоты.
О! если с чувством мысль сроднилась,
Поверь, она не обольстит,
Она недаром заронилась
И святость истины хранит.

* душевную полноту (нем.).

Я теперь уже начал писать ораторию для Гебеля — «Потерянный рай». Сатин улыбнулся, когда я объявил ему такое заглавие. Бог с ним! А я здесь вижу идею Истории человечества. Не смейся. Если ты помнишь мои стишки «Тоска по отчизне»³, то ты поймешь, что действительно идея истории человечества заключается в потерянном рае. В этом смысле я хочу выработать ораторию. Может быть, этот труд будет иметь некоторую цену. Если только я найду выражения для мыслей, которые толпятся в голове моей, то он будет иметь цену. А мысли у меня суть следствия вдохновений, а вдохновенье найдет язык. Вот тебе, кстати, еще старинные мои стихи:

Они торжественны, минуты вдохновенья,
 Как голос неба на земле,—
 Прекрасны, как любовь, как радости мгновенья,
 Так сердцу сладостны оне!
 Заботы мелкие отходят,
 Несносный голос их молчит,
 И вдохновенье говорит
 И небо на душу низводит.
 Она божественным полна,—
 Но стало тесно ей — она
 Найти стремится выраженья,
 Ей надо высказать себя,
 И слово звучное ея —
 Ее дитя, ее творенье!

Герцен! мы друг друга, кажется, знаем; кажется, можем быть откровенны. Письма моего ты никому не покажешь. Итак, скажи: с некоторого времени я решительно так полон, можно сказать задавлен, ощущениями и мыслями, что мне кажется, мало того кажется, мне врезалась мысль, что мое призванье быть поэтом, стихотворцем ли, или музыкантом, *alles eins**, но я чувствую необходимость жить в этой мысли, ибо имею какое-то самоощущение, что я поэт; положим, я еще пишу дрянно; но этот огонь в душе, эта полнота чувств дает мне надежду, что я буду и порядочно (извини меня за такое похабное слово) писать. Друг! скажи же, верить ли мне моему призванью? Ты, может, лучше меня знаешь, нежели я сам, и не ошибешься. Когда будешь писать о Воробьевых горах, напиши, как в этом месте развилась история нашей жизни, т. е. моей и твоей.

Автограф. ЛБ, ф. Г.— О. VIII. 3.— В искаженном виде было напечатано в «Русской мысли», 1888, № 7, стр. 4—6.

Из-за неправильного расположения второго листа в рукописи в ее первоначальной публикации была допущена важная ошибка и в отношении воспроизведения входящих в состав письма двух стихотворений Огарева. Последние шесть строк («Она божественным полна...» и далее), принадлежащие второму стихотворению «Они торжественны, минуты вдохновенья...», оказались изъятными из него и присоединенными к концу первого стихотворения «Когда в часы святого размышленья...». Ошибка повторена в издании: Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1937—1938 («Библиотека поэта», большая серия, стр. 3). Правильное чтение текста установлено А. В. Аскარიанц, подготовившей письмо для настоящей публикации.

¹ В «Былом и думах», в главе «Ник и Воробьевы горы» Герцен привел часть настоящего письма от слов: «Выехал я...» до слов: «...а на душе темно, темно» и заключение письма: «Напиши, как в этом месте развилась история нашей жизни, г. е. моей и твоей». Кроме того, последние слова Герцен взял эпиграфом к упомянутой главе (XII, 70, 75; ср. 176—177).

² *Последние минуты жизни* — вероятно, заглавие неизвестного нам стихотворения Огарева.

³ Стихотворение Огарева «Тоска по отчизне» ни в печати, ни в рукописи не известно.

* все равно (нем.).

4

<Село Чертково.> Июля 29 <1833 г.>

Друг! Твое письмо оживило меня; я теперь опять возвысился на точку, с которой почти не замечаю ничего, что вокруг меня, с которой не вижу пошлых частностей, но только одно общее великое. Одно идеальное могло извлечь меня из этой пропасти, в которую я насильно втащен; мне оставалось или сравняться с этими людьми, или укрыться в недоступный для них мир идей — мог ли я с ними сравняться? Так мир идей, в нем моя жизнь, здесь я дома. Письмо Лахтина¹, Вадима, твое — все это вместе, все это напомнило мне любимые мечты и возвратило к поэзии беглеца. Я теперь спокоен, я забыл бы весь мир земной, если б несносная боль в боку не напоминала мне, что я еще прах, жалкий прах. Мысль мучительная для гордости человека!

Ты пишешь о нашей симпатии. Какая нужда до наших характеров, пусть они разны: у нас есть высшее тождество — тождество душ. — И ты влюблен, Саша, кто она, я подозреваю². Но с чего ты взял, что я могу смеяться? зачем пишешь: «ни слова холодного»? Могу ли я смеяться над тем, чего мне недостает и в чем недостаток я глубоко чувствую. Не знаю, друг, что такое, но я не могу влюбиться; мне кажется, вкус мой или слишком испорчен, или то, чего я ищу, не существует. Я ищу красоту, наивность с пылкой и возвышенной душою, но нигде не нахожу, нигде. Ужели это невозможно? Ужели мой идеал так высок или человечество так низко! Но, может быть, еще я встречу этот идеал, и пустое место в душе наполнится. Пока мне предстоит другая деятельность. Друг! Чувствуешь ли всю высоту, всю необъятность этого слова: поэзия? Ей одной предан я; она — моя жизнь, моя наука. Еще ни к чему не привело меня рассуждение, но поэзия возвысила меня до великих истин. Она — моя философия, моя политика. Мое размышление — вдохновение. Я не рассуждаю, но

ЭКЗЕМПЛЯР
«ИСТОРИИ МАЛОЙ РОССІИ»
Д. Н. БАНТЫША-КАМЕНСКОГО
(ч. I), ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ
ГЕРЦЕНУ

На книге автографическая надпись
Герцена, 1832 г.
Литературный музей, Москва

чувствую. Итак, я требую от себя деятельности поэтической. Следовать за идеями, которые открываются мне во время вдохновенья, неутомимо за ними следовать, созидать, творить, быть в непрерывном восторге — вот чего я хочу. Теперь всё возвысилось в моих глазах, человечество облагородилось; вся эта мелочь людская будто растет; из нее делается что-то великое; целый мир новых людей, исполняющих высочайшие требования, открыт передо мною; в этом мире живу я, как пророк в будущем. Да, как пророк, потому что один взгляд на настоящее разрушит всё. Да зачем смотреть на настоящее? Закрой глаза, друг, ты увидишь что-то гадкое; пусть одна душа смотрит и чувствует. Не мешай ей, ради бога, ни слова о настоящем. — Но я, сын поэзии, предаюсь искусствам, и люди столпились смотреть на мои произведения; люди, которые понимают, что я хотел в них выразить. Я видимо говорю им об невидимом, чувственно об идеальном, и они благословляют посредника между небом и землею. И как радостно бьется сердце твоего друга! Эта слава — заслуженная слава, основанная на чистоте, на возвышенности души, она несравненна! О, если б действительность не противоречила! Но я приеду к вам и окружу себя искусствами. Еще мало, что мы чувствуем в душе поэзию; надобно разлить вокруг себя жизнь поэтическую. Науки (в ~~вашем~~ значении), стихотворство, музыка, театр, всё, что только возвышает человека до жизни творческой, всё должно жить вокруг нас и мы сами — зрителями и актерами. В цели общей — *жизнь поэтическая* — соединяются все особенные цели, ибо в ней заключаются все идеи, это высочайшее существование человечества, оно поведет его к высочайшей деятельности. О, когда-то я возвращусь к вам, когда-то в родном кругу друзей непринужденно полетаю мыслью, исполню прекрасные мечты, забуду скуку обыкновенного (common) существования.

30 июля

Теперь я намерен кончить это послание. Надобно писать к Вадиму. С Лахтиным у меня сложная переписка о философии истории. Но я недоволен. Несколько писем — это слишком тесная рамка; мне хочется лучше и пространнее изложить то, что думаю об этом предмете, и если друзья мои одобрят, стану печатать. Философия истории — это величайший предмет нашего времени. Меня несколько задач занимают; их бы надобно <записать> последовательно, но не знаю <будет ли> возможно. Они явятся <будут> о поэмы; вот они: 1) Пантеизм и деизм; 2) Философия истории; 3) Натурфилософия; 4) Онтология. Скажу теперь относительно первого, что я уже не пантеист, решительно нет, и с своей стороны прошу тебя *ни слова холодно*, если я думаю, что есть суще<ство>, которое *Творец*, а мир произошел во времени. См<отри>, как религиозная мысль развивалась <в> человечестве: до христианства — пантеизм, от христианства — деизм. Подумай об этом, это важно.

Я во время убийственной скуки, которая снедала меня, прочел «Вильгельма Телля». Друг, если ты давно не читал его, р<ади> бога, прочти *, и читай ча<сто>, как можно чаще. Эта пьеса представляет эпоху кризиса. Ах! что я чувствовал, когда читал ее, ты не можешь себе представить; ты поймешь, когда перечтешь еще раз, особенно же в минуту ожесточения, досады, ненависти.

Но всё это мысль разрушения! Мне уже хочется созидать; из <об>щих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциации. Fourier я еще не прочел, но прочту, может быть, сегодня.

Прощай друг! пиши чаще, поддерживай мое существование, разумеется, <дух>овное. Вот тебе еще маленькая песенка; она была написана при <вос>хождении солнца в прекрасное <ут>ро:

* От слова прочти до конца абзаца текст подчеркнут в Следственной комиссии.

В душе столпился ряд видений;
 Мои все тайные мечты,
 Все грезы пылких размышлений,
 Душевной дети полноты,
 Несутся ясно предо мною,
 И резким светом мысль горит.
 Всё постигается душою,
 И всё ей внятно говорит.
 Озарены леса, поляны
 Роскошной утренней зарей,
 Восходит пышно день румяный,
 Приветно светит над землей.
 Какой-то дух здесь обитает!
 Внезапно мысль просветлена,
 Вся тайной божества полна,
 Вселенной душу постигает³.

Теперь, прощай! Бок у меня сильно болит. Прощай.

Твой Н. О г а р е в

Скажи Лахтину и Вадиму — у меня письма начаты, но у нас вздумали почту отпратьвать ранее обыкновенного, и я не успел докончить.

Письмо печатается по двум разъединенным частям подлинника. Первая часть — датированная 29 июля — автограф ЛБ. Г.— О. VIII. 5, лл. 1—2; вторая часть — продолжение письма, датированное 30 июля—автограф ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп. Приложение № 84 к д. № 239, лл. 137—138. Первая часть по ошибке была принята за полный текст письма от 29 июля 1833 г. и опубликована в № 7 «Русской мысли» за 1888 г.

¹ Алексей Козьмич *Лахтин* (ум. 9 сентября 1838 г.) — друг Герцена и Огарева, их университетский товарищ, разделявший свободолобивые устремления герценовского кружка. В 1834 г. был привлечен по делу кружка и выслан в Саратовскую губернию. Из упомянутой в тексте письма Огарева «сложной переписки» с Лахтиным «о философии истории» сохранилось лишь одно письмо (от 28 июня 1833 г.), публикуемое в следующем томе «Лит. наследства» (см. вступительную заметку к наст. публикации).

² Огарев имеет в виду Людмилу Васильевну Пассек — предмет юношеского увлечения Герцена («Газтана» — в его собственном рассказе об этой любви). См. XII, 429—430 и Т. П. П а с с е к. Из дальних лет, т. I. М., 1878, стр. 409—412; т. II. М., 1879, стр. 7, 20—22.

³ Стихотворение «В душе столпился ряд видений...» до сих пор не было известно.

5

<Село Чертково.> Августа 26¹ <1833 г.>

Сейчас сидел я на крыльце. (Начало странное — да что ж делать, если я в самом деле сидел на крыльце?) Небо ясно. Тепло и тихо. Вид на огромные пруды, которые кажутся рекою, очарователен — по крайней мере в эту минуту. Душа расположена ко всему изящному. Герцен! Сколько мыслей толпятся в голове. Слов недостаточно. Они слишком определены, чтобы выразить неопределенное. Герцен! Не правда ли, она высока — жизнь художника? Я выше ничего не знаю. Божественная жизнь! Божественная? — да, я не ошибся. Бог живет жизнью художника. Ради всего святого, не смейся над этой мыслью. Я не могу себе иначе представить творения. Бог хотел выразить идею самого себя в формах вещественных. Это величайший акт художника-поэта. Друг! не смейся, не смейся. Если это ложь, заблуждение — оставь мне его, не выводи из него; я с этой мечтой чувствую какую-то новую жизнь. Если б я был живописец!.. Я бы нарисовал человека, прикованного к земле. Он глядит на небо, чистое, спокойное. Тысячи призраков перелетают в голубом воздухе — толпы

ангелов прекрасных — высоко, высоко над всем видимым миром — их взоры светлы, как мысль, их жизнь духовная. И посмотри на юного человека. Небесная радость смешалась в лице его с горестью. Как хорошо это небо, а он весь земной, прикован к земле. Друг! Друг! Какая картина! Зачем с моей душой странным противуречием соединилась неловкость телесная? Почему рука не умеет владеть кистью? Зачем пальцы не двигаются, когда я сижу за фортепьяно? Зачем рифма не клеится, когда я пишу стихи? Жалкое, убийственное противуречие! Неужели все мысли, от которых голова разгорается, не выразятся наружу? О! как оно верно, состояние моей картины! Ужасная истина! Герцен! твоё присутствие становится мне необходимым. Твоя душа мне необходима. Кому скажу я всё, что волнуется в душе? Я хочу быть живописцем. Это очень приятное препровождение времени. Я хочу быть музыкантом. Это очень приятно в обществе. Больше я ничего не добьюсь от этих людей. Никто не заглядывает в мою душу. Они боятся сильно чувствовать. Они назовут меня безумным. Герцен! Спаси меня от этой несносной борьбы. Напаяши мне, по крайней мере, что-нибудь, что бы меня растрогало, что бы взволновало всю мою внутренность. Я буду покойнее. Боже мой, боже мой! Что это за существование! Земля, небо, ад — всё тут, всё!

Ach Herre Gott, ach Herre Gott,
Erbarm' dich doch des Herren!²

Герцен! Я хотел писать много, но не могу. Сильный переворот во всем моем существе. Душа — un champ de bataille **. Идеи и факты, факты и идеи сражаются. Что все труды мои, ночи, проведенные в мечтах, что вся эта поэзия души, когда одно происшествие³ остановило полет мысли и принесло с собою сомнения и горести. Над кем, бишь, в древности висел меч на волоске, между тем как он утопал в наслаждениях⁴ — это я, это изображение моего состояния. Больше я писать не буду, объя<сню> всё это, когда мне вздумается. Если с буд<ущей> — почтой удастся написать — хорошо, а нет — так и не стану, потому что я скоро уезжаю в Москву. Прощай.

Твой Н. О г а р е в

Скоро увидимся, больше не пиши ко мне, я послезавтра (30 ав<густа>) еду.

На обороте: Его благородию милостивому государю
Александру Ивановичу Герцену.

В Москве. В Старой Конюшенной, Власьевском переулке,
в доме г-на Яковлева под № 166.

Почт. шт. 29 авг. 1833. Пенза

Автограф. ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп., Приложение № 84 к д. № 239, лл. 135—136. Строки письма от слов «Что все труды мои» до слов «он утопал в наслаждениях» подчеркнуты карандашом в Следственной комиссии.

¹ Ср. в конце письма слова «я послезавтра (30 ав<густа>) еду». Очевидно, письмо было лишь начато 26 августа, а отправлено через два дня — 28-го.

² Цитата из стихотворения Гёте «Kenner und Enthusiast» («Знаток и энтузиаст»), пер. Н. Н. Вильмонта.

³ Огарев имеет в виду известие об учреждении над ним секретного полицейского надзора. Имя Огарева было упомянуто в перлюстрированном письме Я. Костенецкого, осужденного по делу Сунгурова, что и дало повод для установления надзора.

⁴ Огарев вспоминает легенду о Дамокле.

* Ах боже мой, ах боже мой, будь сударю судьей! (нем.).

** поле битвы (франц.).